

На правах рукописи

Поливанова Дарья Константиновна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ СТИХА
С АКЦЕНТНЫМИ И МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ
ХАРАКТЕРИСТИКАМИ СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДАКТИЛИЧЕСКОЙ КЛАУЗУЛЫ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)**

на стыке специальностей 10.02.19 — теория языка
и 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
Кандидата филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук».

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

Член-корреспондент РАН, профессор,
Владимир Александрович Плунгян

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и стилистики
МГУП имени Ивана Федорова
Векшин Георгий Викторович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славяно-русской литературы,
заместитель директора Института гуманитарных наук
Балтийского федерального ун-иа им. И. Канта
Цвигун Татьяна Валентиновна

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Кафедра русского языка
филологического факультета СПбГУ

Защита диссертации состоится «___» _____ 2015 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.008.01 при ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН» (119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН» (119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2).

Автореферат разослан «___» октября 2015.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Общая характеристика работы

Стиховедение, как писал М. Л. Гаспаров¹, среди прочих направлений науки о литературе раньше других и шире других стало использовать точные методы количественного анализа языкового материала. Среди тех, кто перенес эти методы, использовавшиеся еще в XIX веке в классической филологии, на материал современной поэтической культуры, были русские стиховеды начала XX века.

Начались эти исследования с изучения эволюции ритма в русском стихе. В 1892 г. филолог и педагог Л. И. Поливанов занимался дактилической цезурой в 6-стопном ямбе². В 1910 г. поэт и теоретик искусства Андрей Белый (гимназист Л. Поливанова) исследовал ритм русского 4-стопного ямба³. Год издания работы А. Белого, как подчеркивал М. Л. Гаспаров, считается началом русского научного стиховедения⁴. После А. Белого статистикой стиха занимались Б. В. Томашевский⁵, Г. А. Шенгели⁶. В 1953 г. появилась итоговая работа – большая монография К. Тарановского «Русские двудольные размеры»⁷ (где проведены подсчеты на материале объемом около 350 тыс. строк русских ямбов и хореев всех стопностей от М. В. Ломоносова до А. А. Фета и выяснены в деталях по каждому размеру все частности эволюции ритма, первые проявления которой обнаружили Л. И. Поливанов и А. Белый).

Более труден и поэтому менее употребителен оказался второй, более сложный метод статистического изучения стиха – сравнение теоретических, расчетных показателей с эмпирическими. Начатое в 1917 г. исследование Б. В. Томашевского продолжено было только в 1960-х гг. в работах группы академика А. Н. Колмогорова⁸. Эти работы стали началом нового этапа применения точных методов в советском стиховедении.

¹ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва, 1974. С. 18.

² Поливанов Л. Русский александрийский стих // Гофолия. Трагедия Ж. Расина, пер. Л. Поливанова. М., 1892. С. XCVI-CLXI.

³ Белый А. Символизм. М., 1910.

⁴ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва, 1974. С. 21.

⁵ Томашевский Б. О стихе. Л., 1929.

⁶ Шенгели Г. Трактат о русском стихе. Изд. 2-е. М. – П., 1923.

⁷ Тарановски К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.

⁸ Колмогоров А.Н., Прохоров А.В. К основам русской метрики // Содружество наук и тайны творчества. М., 1968. С. 397-432; Prochorow A.W. Teoria prawdopodobieństwa w badaniach rytmu wiersza // Pamiętnik literacki, 61. 1970. S. 113-127.

При этом изучалась главным образом силлабо-тоническая метрика, причем по большей части на материале двусложных размеров. Расширение круга рассматриваемых проблем стало одной из задач уже в работах М. Л. Гаспарова, посвященных дольнику и акцентному стиху⁹.

Актуальность исследования. Исследования, посвященные соотношению формальных параметров стиха с разными уровнями языковой структуры текста (с фонетикой, морфологией, синтаксисом – и с семантикой, реализуемой на всех уровнях), эпизодически проводившиеся еще в XIX веке (например, на материале грамматики гексаметра), активизировались в последние десятилетия XX века. Работы М. Л. Гаспарова и продолжающей развивать его методы Т. В. Скулачевой легли в основу особого направления в стиховедении – лингвистики стиха. В рамках этого направления ставятся такие задачи, как соотнесение ритма, рифмы и метра с грамматикой и семантикой. Несмотря на популярность стиховедения в 1970-2000-е гг., детальное исследование рифмы, в частности законов устройства клаузул, не было предметом сфокусированного статистического анализа, хотя частично описание рифменных пар представлено в работах М. Л. Гаспарова¹⁰, Д. Ворта¹¹, и Дж. Т. Шоу¹². Наиболее близкие к представленной теме наблюдения были сделаны в 1970-е гг. в работах Ю. К. Стехина¹³, но на весьма ограниченном материале.

Дактилическими называют клаузулы, содержащие два безударных слога: *ресторанами, шахматы, распахнуты, свежесвыкрашен, мельницы*. Эти клаузулы характеризуются протяженными безударными окончаниями, которые длинны даже для русского языка с его сравнительно высокими параметрами длины слова (по данным В. Руднева, «средняя длина слова в русском языке - три слога»¹⁴).

⁹ Гаспаров М. Л. Статистическое обследование русского трехударного дольника // Теория вероятностей и ее применения. Т.8. М., 1963. Вып.1. С. 102-108; Он же. Тактовик в русском стихосложении XX в. // Вопросы языкознания. 1968. №5. С.79-90.

¹⁰ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва, 1974.

¹¹ Worth D. S. Grammar in rhyme: Pushkin's rhyme: Pushkin's lyrics // Russian romanticism: Studies in the poetic codes. Stockholm, 1979.

¹² Шоу Дж. Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1996. С. 327-336.

¹³ Стехин Ю., Тришникова Т. Грамматическая характеристика дактилических рифм поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» // Применение новых методов в изучении языка. Вып. 1. Днепропетровск, 1969; Стехин Ю.К. К вопросу об использовании различных частей речи русского языка в рифме // Вопросы прикладной лингвистики. Вып.2. Днепропетровск, 1970. С. 96-98.

¹⁴ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Как было показано М. Л. Гаспаровым в работе над ритмическим словарем частей речи¹⁵, части речи в русском языке существенным образом различаются по длине слова и месту ударения. Самые «длинные» (протяженные) слова русского языка – прилагательные и глаголы, но «длинные» они по-разному: глаголы чаще имеют пространное (многосложное) безударное начало, а прилагательные – пространный (многосложный) безударный конец слова. Другие части речи, по подсчетам М. Л. Гаспарова, характеризуются с точки зрения типичной длины и типичного места ударения в слове. Соответственно, дактилическим клаузулам, для которых нужны слова с протяженным безударным концом слова, свойственно "притягивать" слова одних частей речи и избегать слов других частей речи. По нашим предварительным подсчетам, наиболее часто дактилические клаузулы порождаются прилагательными, несколько реже – существительными и глаголами, хотя соотношение частей речи в этом типе рифм варьирует в зависимости от периода, литературного направления, индивидуального стиля автора. Кроме того, словоформы каждой части речи с различным морфемным составом способны к порождению дактилических клаузул с различной частотой. Так, например, именами прилагательными с двусложным падежным окончанием именительного падежа (*красивые, белые, чистые*) такие клаузулы порождаются очень часто, а бессуффиксными существительными (*яблоко*) и наречиями (*издали*) – гораздо реже. Подробное изучение этого вопроса на материале поэзии первой трети XX века (с учетом обращения к текстам XIX века) позволит судить о специфике функционирования дактилических клаузул в словах разной морфологической природы на протяжении одного из ключевых для истории русской литературы периодов и показать, что в XX веке поэты начинают экспериментировать как с размерами и ритмами, для которых характерна дактилическая клаузула, так и с ее грамматическим наполнением, нарушая те негласные правила и привычки, которые сформировались в XIX веке.

Предмет исследования – дактилическая клаузула в текстах русской поэзии первой трети XX века (в сопоставлении с литературной традицией XIX века). Несмотря на заметные успехи русского стиховедения, дактилической клаузуле – одному из

¹⁵ Гаспаров М. Л. Ритмический словарь частей речи // Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М, 2004. С. 51-62.

сильных выразительных средств поэтической языка в русском стихе – до сих пор не было уделено должного внимания.

Объектом исследования является частеречная принадлежность и морфемная структура оказывающихся в финале строк с дактилической клаузулой словоформ (с учетом акцентного рисунка – характера ударной морфемы).

Степень разработанности вопроса. Исследования русской рифмы начинаются с работ об истории и теории рифмы В. М. Жирмунского¹⁶ и Б. В. Томашевского¹⁷. Томашевский говорил о «фонологическом принципе изучения стиха», Жирмунский – о проблемах фонологического состава русской рифмы. Непосредственно к вопросу фонологического устройства русской рифмы обращаются Р. О. Якобсон в статье «К лингвистическому анализу русской рифмы»¹⁸ и С. М. Толстая в статье «О фонологии рифмы»¹⁹. Звуковая природа рифмы рассматривается в трудах Н. А. Богомолова («Стихотворная речь»)²⁰ и В. Е. Холшевникова («Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова»²¹) – автора учебника «Основы стиховедения»²². Однако названные работы напрямую не затрагивают проблем, поставленных в нашем исследовании. Во-первых, мы анализируем не рифму, а собственно клаузулы вне зависимости от их рифменной пары, во-вторых, в центре внимания находится вопрос о заполнении клаузулы словоформами и, соответственно, частеречная принадлежность и морфемная структура этих словоформ, включая фиксацию типа ударной морфемы.

Непосредственно к области нашего исследования примыкают работы о грамматическом строе русской рифмы Д. С. Ворта²³, Дж. Шоу²⁴ и Ю. К. Стехина²⁵.

¹⁶ Жирмунский В. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923.

¹⁷ Томашевский Б. О стихе. Л., 1929.

¹⁸ Якобсон Р. К лингвистическому анализу русской рифмы // R. Jakobson, Studies in Russian Philology, Ann Arbor, 1—13 (= Michigan Slavic Materials; № 1).

¹⁹ Толстая С. М. О фонологии рифмы // Семиотика. №2. Тарту, 1965. С. 300 - 305.

²⁰ Богомолов Н.А. Стихотворная речь. М., 1995.

²¹ Холшевников В.Е. Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова // Словарь языка М.В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 1. Исследования и материалы по стихосложению М.В. Ломоносова. СПб., 2010.

²² Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. М., - СПб., 2004.

²³ Ворт Д. С. О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале Евгения Онегина) А. С. Пушкина // American Contributions to the 8th International Congress of Slavists. Columbus. 1978. V. 1. P. 774-817.

²⁴ Шоу Дж. Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1996. С.327 - 336.

²⁵ Стехин Ю.К. К вопросу об использовании различных частей речи русского языка в рифме // Вопросы прикладной лингвистики. Вып.2. Днепропетровск, 1970. С. 96-98.

В 1970 г. Ю. К. Стехин в работе «К вопросу об использовании различных частей речи русского языка в рифме» писал: «Априорно можно предположить, что различные части речи в силу своеобразия их слово- и формообразовательной структуры обладают неодинаковыми рифменными возможностями. Однако в чем конкретно проявляется это различие (хотя бы на современном этапе), мы не знаем, ибо никто специально этим вопросом не занимался»²⁶. Ю. К. Стехин исследует распределение частей речи в мужских и женских рифмах на материале поэзии Николая Грибачева – «поэта, который явно не стремится поразить читателя экстравагантной рифмой, но и не допускает повтора уже использованных рифм». Обнаруживая существенное различие в количестве употребляемых в рифменной позиции слов разных частей речи, исследователь приходит к выводу, что это различие объясняется «исключительно структурными свойствами данных частей речи, их возможностями выступать с мужскими или женскими окончаниями».

Однако объем материала, обследованного Ю. К. Стехиным, невелик, его программная статья невелика по объему, и проблема требует дальнейшего рассмотрения, а наблюдения исследователя говорят (как он сам отмечает) лишь о том, что дактилические клаузулы, в силу их акцентной структуры, нужно изучать с точки зрения морфологических характеристик словоформ.

После программной работы о грамматическом составе русской рифмы Ю. К. Стехин закономерно обращается к описанию дактилической рифмы, выбирая для наблюдений поэзию Н. А. Некрасова. Дактилическая рифма описана в работе «Грамматические характеристики дактилических рифм поэмы Н. А. Некрасова “Коробейники”»²⁷. Автор пишет: «Известно, что дактилические рифмы используются в русской поэзии сравнительно редко. Объяснение этому мы находим в специфических особенностях русской речи, характеризующейся особой насыщенностью такими словоформами, которые более подходят для мужской и женской рифмовки, чем для дактилической, что связано и с количеством слогов, составляющих слово, и с расположением акцента». Здесь исследователь ссылается на замечание Г. А. Шенгели о том, что «...в русской поэзии господствуют мужские и женские окончания, так как в живой русской речи слова, кончающиеся ударным

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ Стехин Ю., Тришникова Т. Грамматическая характеристика дактилических рифм поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» // Применение новых методов в изучении языка. Вып. 1. Днепропетровск, 1969. С. 181-182.

слогом, составляют 41%, кончающиеся одним безударным слогом – 39%, кончающиеся двумя безударными слогами – всего 17%»²⁸.

На материале поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники» Ю. К. Стехин анализирует использование слов различных частей речи в рифменной позиции, а также говорит о грамматической форме рифмующихся слов. Автор приходит к следующим выводам: в рифме «существительное – существительное» в основном представлены имена 1-го и 2-го склонения, как правило, рифмуются формы одного и того же падежа и числа. Лишь в редких случаях наблюдается иная картина. Почти отсутствуют существительные 3-го склонения (тогда как, например, при мужской рифме они используются широко). Глаголы представлены, в основном, формами изъявительного наклонения (91,3% от общего числа дактилических глагольных рифм). Среди них чаще всего встречаются формы прошедшего (48%) и настоящего времени (38%). Словоформ будущего времени всего 14%. Значительно количество глаголов с постфиксом -ся – 63%. Прилагательные встречаются только в полной форме, чаще всего женского рода и во многих случаях единственного числа (39%).

Конкретные (в том числе и морфологически обусловленные) способы порождения дактилической клаузулы в народном стихе были изучены М. П. Штокмаром²⁹, на работы которого позже ссылается К. И. Чуковский, рассуждая о некрасовской дактилической рифме³⁰.

Дж. Т. Шоу в работе «Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина»³¹ проводит полный анализ грамматики рифмы в произведениях А. С. Пушкина, сравнивает частотность слов различных частей речи в рифменной позиции. Но Дж. Т. Шоу не говорит об употреблении слов той или иной части речи в позиции рифмы в зависимости от ударения в слове. Он писал о рифмовке слов разных частей речи, при этом о частоте использования слов той или иной части речи в рифме говорил безотносительно к ударению. В созданном им полном словаре рифм – А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского – дактилических клаузул сравнительно мало.

²⁸ Шенгели Г. Техника стиха. М., 1960. С. 23.

²⁹ Штокмар М.П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

³⁰ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1962.

³¹ Шоу Дж. Части речи в рифмах основных стихотворных жанров и в концах прозаических синтагм у Пушкина// Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1996. С. 327 - 336.

Главный труд по исследованию русской рифмы принадлежит М. Л. Гаспарову: «Эволюция русской рифмы»³². В этой работе М. Л. Гаспаров говорит не только о фонологическом аспекте звуковой природы рифмующихся слов, о точности и неточности рифмы, но и о грамматическом аспекте построения рифмованных единиц текста – он выделяет «ведущие» рифменные гнезда для мужских и женских рифм в текстах разных поэтов, а также говорит о грамматичности рифмы: рифмовании словоформ одной части речи, в одной и той же грамматической форме. Им была подсчитана частота рифмовки слов различных частей речи в досиллабической поэзии; у авторов XVII-XVIII века: Симеона Полоцкого, Антиоха Кантемира, М. В. Ломоносова; XIX века: А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. А. Фета; и XX века: В. Брюсова, В. Маяковского³³. На основании проведенных подсчетов М. Л. Гаспаров пишет о том, что «разные части речи по-разному распределяются в мужских, женских и дактилических рифмах: это означает, что каждая часть речи имеет, так сказать, свой ритмический (в том числе клазуальный) словарь»³⁴.

Несмотря на активное внимание к стиховедению и лингвистике стиха, морфемный состав слова в рифменной позиции с точки зрения акцентной характеристики (типа ударной морфемы) до сих пор специально изучен не был. М. Л. Гаспарова интересовал морфемный состав слов только в отношении рифмования их между собой: какие слова, с какой структурой могут создавать рифменные пары³⁵.

В работах стиховедов намечалась постановка вопроса о морфологической и акцентологической природе рифм разных типов, но специально количественными методами дактилическая клазула до сих пор не изучалась. Назначение предлагаемого исследования – восполнить этот пробел.

Цели и задачи исследования. *Цель исследования:* дактилическая клазула в русской поэзии впервые получает разноплановое морфологическое и акцентологическое (с точки зрения характера ударной морфемы) оформление на

³² Гаспаров М. Л. Эволюция русской рифмы // Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997.

³³ Там же. С. 301-302.

³⁴ Там же. С. 293.

³⁵ Гаспаров М. Л. «Ты-ты рифмы»: рифмо-синтаксические клише у Пушкина // После юбилея. Иерусалим, 2000. С. 71-84; Он же. «Ой-ой-рифмы» от Ломоносова до Твардовского // Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М, 2004. С. 91-107.

рубеже XIX и XX веков, чем обусловлено системное варьирование стихотворной строки в широком диапазоне. Это разнообразие нуждается в детальном описании, систематизации вариантов и интерпретации полученной классификации. Работа посвящена созданию такого описания и сопоставительному анализу идиостилей поэтов изучаемой эпохи с точки зрения частотности воплощения вариантов заявленной схемы.

Поставленной целью обусловлены следующие *задачи*:

- 1) мотивировать отбор авторов и текстов, подлежащих анализу: сформировать корпус стихотворений с дактилической клаузулой;
- 2) охарактеризовать морфологические и акцентологические особенности дактилических клаузул в текстах каждого автора;
- 3) определить количественное распределение строк с дактилическими клаузулами разного морфемного и морфонологического оформления;
- 4) сопоставить идиостилы авторов с точки зрения полученного распределения, выявить характерные особенности и черты противопоставления;
- 5) сформулировать, какие тенденции в развитии фоники и грамматики русской поэзии воплотились в анализируемом материале.

Методологическое основания исследования. Тексты для анализа отобраны методом сплошной выборки (учтены все дактилические клаузулы в лирике изучаемых авторов) из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. В основу работы положен классический для русского стиховедения количественный (или «статистический») метод исследования стихотворного материала. Работа продолжает методологическую традицию, заложенную в трудах М. Л. Гаспарова и продолженную в работах его последователей.

При анализе словоформ, оказывающихся в финале строк с дактилической клаузулой, были выделены следующие части речи: имена существительные, имена прилагательные и причастия (атрибуты рассматривались совместно), глаголы и наречия. В отдельную группу были отнесены строки с окончанием на «составную клаузулу»: те строки, где финальное ударение строки приходится не на последнее

слово этой строки. Имена прилагательные и причастия рассматривались вместе, так как имеют общую (адъективную) парадигму склонения, а именно это важно при анализе. Качественные отадъективные наречия типа «светло» рассматривались в одной группе с прилагательными. Местоимения и числительные, в зависимости от их словоизменительной парадигмы, относились к существительным или к прилагательным. При морфемном анализе словоформ было важно определить, благодаря какой морфеме (группе морфем) ударение приходится на третий от конца слог – будь то двусложное падежное окончание или последовательность «вокалический суффикс + односложное окончание». Отдельно выделялись слова с ударением на приставке, с полногласием в корне. Во всех приводимых в работе таблицах слова будут группироваться по единому признаку: перед какой морфемой появляется ударение. Ударные префиксы рассматриваются отдельно.

Источниковая база исследования. Применяемый в настоящей работе корпусный метод исследования предполагает обращение к максимально полным собраниям произведений, принадлежащим авторам интересующего нас периода. Поэтический корпус русского языка содержит приблизительно 65 тыс. поэтических произведений общим объемом порядка 2 млн. строк. Перечень изданий, положенных в основу корпуса, приводится в приложении.

В предлагаемой работе материал естественно ограничен кругом 17 авторов XX века (это авторы, тяготевшие к использованию дактилических клаузул, чьи поэтические тексты достаточно полно представлены в корпусе). Выбор авторов определяется, с одной стороны, стремлением в первую очередь учесть тексты тех поэтов, для которых обращение к дактилической клаузуле было регулярным (среди них В. Брюсов, И. Северянин, Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Маяковский, С. Парнок, А. Белый, М. Цветаева), с другой – желанием представить поэтов, творчество которых традиционно относят к разным этапам и направлениям русского модернизма. Соответственно, кроме текстов названных выше авторов, из числа лирических текстов «старших» символистов рассмотрены тексты А. Добролюбова, из «младших» - А. Блока, И. Анненского, а для демонстрации использования «дактилической клаузулы» не только у поэтов «первого» ряда в корпус включены тексты Ю. Верховского. В работе также рассматриваются поэты, называвшие себя

«акмеистами», - А. Ахматова, О. Мандельштам, Н. Гумилев и С. Городецкий. Футуристический «лагерь» представлен И. Северяниным, В. Маяковским, Б. Пастернаком и Н. Асеевым.

Другим фактором ограничения материала является принципиальная установка на разбор исключительно лирики, так как включение поэм неизбежно повлекло бы за собой статистические «перекося» – не все авторы писали поэмы, с одной стороны, а появление дактилической клаузулы в поэме почти неизбежно приводит к однообразию «приема» даже у поэтов, которым свойственны самые нестандартные с точки зрения морфемной структуры эксперименты, – с другой.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе количественных подсчетов установлено распределение наполнителей позиции дактилической клаузулы в лирике поэтов первой трети XX века. Выявлено своеобразие поэтических школ и идиостилей, касающееся изучаемого выразительного средства. Намечены линии сближения и контраста поэтики авторов исследуемой эпохи.

Положения, выносимые на защиту:

1. В первой трети XX века дактилическая клаузула становится значимым выразительным средством и полем для экспериментов в русской поэзии.
2. С точки зрения морфологической и акцентологической характеристик финалей строк с дактилической клаузулой удастся противопоставить поэтику авангарда поэтике символистов и акмеистов:

- 1) В поэзии футуристов (И. Северянина, Н. Асеева, Б. Пастернака и В. Маяковского), а также М. Цветаевой и С. Парнок, существительных на концах строк с дактилической клаузулой оказывается больше, чем прилагательных и причастий.
- 2) Среди существительных заметно меньше, чем у остальных поэтов словоформ на -ание, -ение (*свидание, толкования, издания, слияния, окружении, учреждения, хождения, чтение*) (стоит отметить, что у Б. Пастернака таких примеров нет вовсе). Наиболее употребительными становятся словоформы

содержащие суффиксы, включающие экспоненты -иц- (*улицы, лавочки, мельницы*), -ик- (*памятник, кустарника, лунатиком*), -ин- (*родины, впадинам, развалинах*) и -ост- (*тягости, яркости, повинности*).

- 3) Среди прилагательных не более 50% занимают «стандартные» формы с двусложным падежным окончанием (у Пастернака лишь 20%) и наиболее часто встречаемыми из них оказываются словоформы на -ого/-его (*милого, табачного, рыбацкого, облитого, рогатого, разбитого*), а не на -ые, -ая – как у всех прочих поэтов.
- 4) Среди прилагательных и причастий у И. Северянина, Н. Асеева и Б. Пастернака помимо словоформ с двусложным окончанием и причастий с суффиксами, содержащими экспоненты -енн/-анн- (*неосознанной, расцарапанный, вкопанный, накопленной, пригубленной, обрушенный*) значительную часть составляют прилагательные с суффиксом -ов- (*липовой, тутовой, ракитовый*).
- 5) У этой группы поэтов заметно меньшее использование постфиксальных глаголов (*брызнется, треснется, скажутся, надеяться*) (у И. Северянина и С. Парнок 14% и 15%, тогда как у В. Ходасевича, А. Добролюбова и А. Блока больше 60% всех глаголов в строках с дактилическими клаузулами являются постфиксальными).
- 6) Бросается в глаза резкое увеличение (от 10% у Б. Пастернака до 18% у Н. Асеева и 21% у С. Парнок) числа словоформ с ударением на приставку. Именно эта группа глаголов наиболее выделяема на слух (*вынести, высмотреть, выгореть, выкинься, вынюхав, вышедши, вызвался, выбросил, выселить*), что особенно важно для устного бытования поэзии футуристов и является одним из ярких маркеров текстов этой группы поэтов.

3. Различия между акмеистами и символистами менее значительны, но можно отметить разницу в использовании словоформ существительных: в поэзии Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама и С. Городецкого среди используемых суффиксальных существительных преобладающими оказываются содержащие например суффиксы -иц- (*пословицу, метелицу, околицу, горницу, затворницу*), у символистов же преобладают словоформы на -ание/-ение, как и у поэтов XIX века. Таким образом мы можем говорить и о своего рода акмеистическом идиостиле.

4. При всей сложившейся картине интересны некоторые исключения из общих наблюдений. Так, А. Белый, В. Ходасевич и Н. Гумилев по преобладанию использованных существительных оказываются сопоставимы с футуристами. При этом А. Белый и Н. Гумилев оказываются теми, кто в наименьшей степени использовал суффиксальные существительные и по этому параметру оказываются близки поэтике С. Парнок. Также А. Белый оказывается сопоставим с футуристами и в связи с небольшим использованием постфиксальных глаголов (у него их всего 29% - меньше только у С. Парнок (15%)).

Теоретическая и практическая значимость работы. *Теоретическая значимость* исследования заключается в том, что описание распределения дактилических клаузул по морфологическим и акцентным (с точки зрения характера ударной морфемы) классам и сопоставительный анализ поэтики авторов первой трети XX века в ракурсе этого распределения позволяют уточнить стиховедческий портрет изучаемой эпохи, расширяют интерпретационный потенциал лирики рубежа веков, дополняют филологический инструментарий современного стиховедения и дают материал для широких филологических интерпретаций текстов. Полученные результаты позволяют поставить вопрос о количественном распределении слов с дактилической клаузулой в последующие эпохи развития русского стихосложения, о сопоставлении данных с распределением в ту же эпоху, характерным для иноязычных культур, о сравнении поведения дактилической клаузулы с поведением мужской и женской.

Практическая значимость. Полученные результаты позволяют дополнить комментарии при издании лирики авторов первой трети XX века, расширить стиховедческую составляющую учебных курсов истории и теории русской литературы, могут стать основой для сопровождения коллекций и корпусов стихотворных текстов, представленных на электронных носителях и в коммуникационных сетях и библиотеках.

Апробация работы. Основные положения данной работы были представлены на международной конференции молодых ученых в Тартуском университете (Тарту,

Эстония, 2010 г.), на семинаре М. Пентуса и В. Успенского «Математические методы в лингвистике» (МГУ, 2010 г.), на Гаспаровских чтениях (РГГУ 2012, 2013 гг.), на Червенковских чтениях (РГГУ, 2013 г.), а также на научном семинаре отделения фундаментальной и прикладной лингвистики факультета филологии Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (2013 г.). Диссертация прошла обсуждение на заседании отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики ИРЯ РАН. По теме диссертации опубликовано 6 научных работ, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура исследования. Работа состоит из трех глав, введения, заключения, списка литературы и списка использованных источников (в приложении).

В первой главе описано использование дактилической клаузулы в народном стихе, проникновение и утверждение ее в русской поэзии XIX века (преимущественно по материалам работ М. Л. Гаспарова). Приводится собранный М. П. Штокмаром материал, демонстрирующий способы порождения дактилических клаузул в народном стихе (где такие клаузулы активно фиксируются). Проанализировано использование дактилической клаузулы в имитациях народного стиха в русской поэзии. Рассмотрены стихотворения XIX века, освобожденные от имитаций, на примере лирики В. А. Жуковского и М. Ю. Лермонтова. Завершается глава детальным анализом дактилических клаузул в поэзии Н. Некрасова.

Вторая глава посвящена анализу дактилических клаузул с точки зрения частеречной принадлежности и морфемного состава в поэзии Д. Минаева, Л. Трефолева, И. Никитина и С. Дрожжина. В третьей главе исследуется дактилическая клаузула в поэзии 17-ти авторов первой трети XX века.

В общей сложности проанализировано 17616 строк с дактилической клаузулой. Полученные при исследовании выводы обобщаются в *заключении*.

Основное содержание работы.

Глава I. Дактилическая клаузула в русской поэзии (до середины XIX века)

В первой главе рассмотрена история употребления дактилической клаузулы в русской поэзии конца XVIII – первой половины XIX века и проанализированы законы устройства дактилической клаузулы в русском народном стихе.

Дактилические клаузулы составляли неотъемлемую часть русского народного стиха. Инвентарь словоформ, оказывающихся на конце строк с дактилической клаузулой, был разнообразен. Исследователями отмечалось, что во многих случаях та или иная морфема конечной словоформы не несет никакой семантики и нужна лишь для создания двух безударных слогов на конце слова³⁶.

Так, создатели народного стиха широко использовали разнообразные возможности порождения дактилических клаузул. В рамках этого диапазона можно отметить такие приемы, как употребление специфически маркированных, в отдельных случаях окказиональных, суффиксальных существительных (*богачество, щучину, пташицу, кручинушка, силушка, словечушко, удивленьцо*). Прилагательные, наречия и даже глаголы часто выступали с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *молошненькая, шелковенькая, многённичко, теперечку, посмотретеньки, показатеньки, хорошихонько*. Глаголы получали лишний слог за счет окончания на –ти и –ся (-си): *поставити, кушати, приютитися, воротиласи*. Сравнительные формы наречий могли иметь дополнительное –е на конце: *пожарчее*. Прилагательные могли выступать с древним полным окончанием: *молодецкой, дубовыя*. Также словоформы искусственно дополнялись безударными слогами за счет частиц, таких как "он", "то", "от": *Киев-он, Галич-от, торговых-е*. Помимо этого в народно-поэтическом стихе все части речи могли быть подвержены искусственному сдвигу ударения в зависимости от ритмической организации стиха: в частности, предлоги могли получить ударение перед многими существительными и перед некоторыми местоимениями (*вО поле, дО веку, зА него*), отрицательная частица «не» могла иметь ударение перед некоторыми частями речи (*нЕ будет, нЕ могла, нЕ тесно*), приставки многих глагольных форм могли иметь ударение (*взОзрити, вЫдает, дОждется, пОклонюсь, прИняти*), формы прошедшего времени многих многосложных глаголов, независимо от рода или числа, могли сдвигать ударение с инфинитивного суффикса на основу (*возрОстити, жУрити, корОтати, кОсити, крИчати, прОсити*).

В XIX веке дактилическая клаузула уже используется и в авторской поэзии – сначала в имитациях русского народного стиха, а затем, начиная с поэзии М. Лермонтова, М. Л. Гаспаров отмечает дактилическую клаузулу утвердившейся в

³⁶ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1962.

русском стихе. При этом использовали дактилическую клаузулу поэты первой половины XIX века не часто (у Лермонтова строк с дактилической клаузулой 0,5%, у Пушкина – 1%, у Батюшкова – 2,5% , у Баратынского – 0,6%³⁷). Как показывает проанализированный материал, и при имитации народного стиха, и вне имитаций поэты первой половины XIX века помещают в позицию дактилических клаузул главным образом прилагательные с двусложным падежным окончанием: самыми распространенными оказываются словоформы на -ая, -ую, -ые, -ого (*благодатная, непонятная, черная, прекрасную, безгласную, безродного, холодного, свободные, бесплодные*); и суффиксальные существительные. При этом большую часть таких существительных составляют словоформы на -ание/-ение (*решение, преступление*), на -ия/-ие (*оружие, столетие, историю*), словоформы с суффиксами, включающими экспонент -ост- (*древности, праздности, опасностям*) и -иц- (*красавицы, прелестницы*), а также словоформы творительного падежа с двусложным падежным окончанием: *туманами, караванами, молитвою, битвою*. Почти все употребляемые глаголы были постфиксальными (*скатится, прочится, плачется*).

Также были проанализированы дактилические клаузулы в поэзии Н. А. Некрасова, которого М. Л. Гаспаров называет «канонизатором» дактилических рифм в русском стихе. В его лирике строки с дактилической клаузулой составляют 10,5% (1851 строка). Исследование, проведенное на таком обширном материале, в целом подтверждает сказанное выше: встретившиеся в изучаемой позиции глаголы в 70% случаев постфиксальные, прилагательные с двусложным падежным окончанием составляют 76% от общего числа прилагательных, 57% существительных имеют ударение на третий слог от конца из-за наличия той или иной суффиксальной последовательности в словоформе. Среди них наиболее употребительными оказываются словоформы существительных, оканчивающихся в именительном падеже на -ание/-ение (*прощение, пение, решение, страдание*), а также существительные с суффиксом -ушк-/-ышк- (*хозяйушка, соловушка, думушка, кумушка, матушка*) и суффиксами с экспонентом -ик- (*пряника, механика, животики, рублика*). 20% существительных имеют двусложное окончание творительного падежа (*картиною, равниною, жизнью, минутами, взорами, ивами*).

³⁷ Shaw J. Th. Pushkin's Rhymes: a dictionary. Madison, 1974; Shaw J. Th. Baratynskii: a dictionary of the rhymes, a concordance to the poetry. Madison, 1975; Shaw J. Th. Batiushkov: a dictionary of the rhymes, a concordance to the poetry. Madison, 1975.

Полученные результаты соотносятся с наблюдениями М. Л. Гаспарова: «дактилические окончания в русском языке гораздо однообразнее, чем мужские и женские: по большей части это специфические для каждой части речи окончания существительных («-ание»), прилагательных («-анная»), глаголов («-ается»). Рифмовать приходится преимущественно однородные части речи: поэтому если в мужских рифмах процент грамматически однородных составлял в XIX веке 50 – 60 %, а женских около 80%, то в дактилических «грамматичность» рифмы обычно выше 90%»³⁸.

Глава II. Дактилическая клаузула в конце XIX века (переходный период, продолжатели Н. Некрасова)

Во второй главе рассматривается распределение лексических наполнителей позиции дактилической клаузулы в лирике поэтов второй половины XIX века по частям речи с учетом морфемной структуры и акцентной характеристики слова.

Однообразие дактилических рифм грозило стиху и синтаксической монотонностью. Поэты второй половины XIX века по-разному отреагировали на эту «опасность». М. Л. Гаспаров говорил о чертах сходства и различия в лирике четырех авторов (Д. Минаева, Л. Трефолева, И. Никитина, С. Дрожжина), опираясь на характер рифмовки дактилических клауз, сопоставляя их по параметрам рифмования одних и тех же частей речи и грамматического параллелизма (на рифмование одних и тех же грамматических форм).

М. Л. Гаспаров объединяет в одну группу Д. Минаева и Л. Трефолева, как деграмматизаторов дактилических рифм: «Они ведут дактилическую рифму по стопам женской – к деграмматизации: у них больше грамматически неоднородных рифм, среди однородных больше рифм не на прилагательные, а на существительные, грамматическое расподобление способствует возникновению приблизительных рифм («плутами – лютыми»), часто обыгрываются составные («Киева – старики его»).

Второй путь был избран И. Никитиным и С. Дрожжиным, которые как будто возвращают дактилическую рифму к ее народному истоку – грамматическому

³⁸ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2002. С. 203.

параллелизму: у них соответственно больше однородных рифм, среди них больше рифм на прилагательные и глаголы³⁹.

Дактилическая клаузула в лирике этих авторов встречается не реже, чем в лирике Н. А. Некрасова (у Д. Минаева 11% строк имеют дактилическое окончание, у Л. Трефолева – 11,5%, у И. Никитина – 12% и у С. Дрожжина – 18%).

Проведенный анализ дактилических клаузул лирики этих четырех авторов показывает, что у Д. Минаева и Л. Трефолева в позиции дактилической клаузулы главным образом оказываются имена существительные и атрибуты (имена прилагательные и причастия), тогда как у С. Дрожжина и И. Никитина прилагательных с причастиями, существительных и глаголов по 30%. Также можно говорить о параллелях в использовании словоформ различной морфемной структуры. Д. Минаев и Л. Трефолев (поэты городской тематики) используют главным образом существительные на -ание/-ение и -ия/-ие, а также словоформы творительного падежа, среди прилагательных преобладают словоформы на -ые, фиксируется немалое количество форм на -ого. У И. Никитина и С. Дрожжина, наоборот, существительные главным образом имеют диминутивные суффиксы: -ик-, -ушк-, -ечк-, а также -иц- и -ост-, а прилагательные с двусложным окончанием преимущественно оканчиваются на -ая, затем на -ые/-ую/-ое, а формы на -ого не зафиксированы.

В экспериментах с вариантами употребления дактилических клаузул (учитывая частоту употребления – от 10,5% до 18% от общего числа строк) поэты первой и второй половины XIX века кардинально не различаются. Преимущественно встречаются суффиксальные существительные (с конкретными суффиксами 5-6), прилагательные с двусложными окончаниями и постфиксальные глаголы. Несколько варьирует количество глаголов.

Глава III. Дактилическая клаузула в русской поэзии первой трети XX века

В третьей главе были рассмотрены финалы строк с дактилической клаузулой из текстов семнадцати поэтов первой трети XX века, начиная с поэзии старших символистов (А. Добролюбова и В. Брюсова) и заканчивая поэзией 1920-х гг. (М. Цветаевой и С. Парнок). В главе был проделан полный анализ частеречевой

³⁹ Там же.

принадлежности словоформ, завершающих строки с дактилической клаузулой, а также проанализирован морфемный состав каждой группы словоформ.

В 1890-е—1920-е гг., в эпоху модернизма, русский поэтический язык интенсивно обновлялся. Одним из средств, разнообразивших поэтику, стало активное употребление дактилической клаузулы, характерное и для старших символистов (А. Добролюбов и В. Брюсов), и для радикального поэтического авангарда (И. Северянин, Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Маяковский), и для поэтов непервого ряда (С. Парнок).

В модернистскую эпоху практически у каждого поэта (от А. Добролюбова и В. Брюсова до В. Маяковского и М. Цветаевой) можно увидеть индивидуальные черты в выборе словоформ различных частей речи, заполняющих позицию конца строки с дактилической клаузулой. В XIX веке в соответствии с естественными законами акцентуации разных частей речи позиции дактилических клаузул заполнялись главным образом существительными и прилагательными, чаще всего прилагательные преобладали. Эту же картину мы наблюдаем в XX веке. Однако отчетливо видна разница между И. Анненским и Ю. Верховским, с одной стороны, — у них существительных и прилагательных оказывается фактически поровну (но при этом выше 20% поднимается количество глаголов), и В. Маяковским и Б. Пастернаком, с другой стороны (у них существительных оказывается вдвое больше, чем прилагательных, а глаголов, например, у Б. Пастернака, оказывается так же много, как у И. Анненского и Ю. Верховского). Иначе строится соотношение различных частей речи в лирике поэтов, начинавших как акмеисты. У А. Ахматовой, О. Мандельштама и С. Городецкого, наоборот, прилагательных существенно больше (у А. Ахматовой в 2,5 раза), чем существительных. В этой связи нельзя не отметить, что с В. Маяковским и Б. Пастернаком преобладание существительных, хотя и чуть в меньшей степени, делят И. Северянин и Н. Асеев. Н. Гумилев, у которого существительных почти на 10% больше, чем прилагательных, оказывается ближе не к акмеистам, а, с одной стороны, к А. Белому и В. Ходасевичу⁴⁰, а с другой стороны — к М. Цветаевой, Б. Пастернаку и И. Северянину. Интересно, что ровесники, воспринимавшиеся при первых шагах поэтического творчества как

⁴⁰ У последнего процентное соотношение частот слов этих двух частей речи фактически совпадает с показателями, обнаруженными для лирики М. Цветаевой, при этом поэты многократно декларировали противоположные взгляды на законы поэтического языка.

единомышленники, А. Блок и А. Белый, по соотношению прилагательных и существительных оказываются диаметрально противоположными: процент использования существительных у А. Белого такой же, как у Б. Пастернака и М. Цветаевой, что позволяет подтвердить представление о А. Белом именно как об экспериментаторе, чьи опыты в области обновления поэтического языка никак не умещаются в границы представления о символизме⁴¹.

Еще более ярким проявлением индивидуальной манеры в использовании дактилической клаузулы, чем собственно выбор слов той или иной части речи, становится специфика выбора между словоформами с различной морфемной структурой. Так, А. Добролюбов, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, с одной стороны, и И. Северянин и В. Маяковский – с другой, наиболее активно используют существительные, оканчивающиеся в именительном падеже на -ание/-ение, а также словоформы творительного падежа множественного числа (*странами, ранами*). У А. Добролюбова они составляют в сумме 19% от всех словоформ существительных, у А. Блока – 26%, у А. Белого – 35%, у В. Брюсова – 23%. На этом фоне выделится уникальным экспериментаторство Б. Пастернака, у которого словоформ на -ание/-ение нет вообще, а существительных в форме творительного падежа множественного числа лишь 5% (для сравнения: у А. Белого таких словоформ 26%, у А. Блока – 19%). В текстах Н. Гумилева, О. Мандельштама и М. Цветаевой, у которых процент словоформ на -ание/-ение тоже очень невысок (2,5%, 1,5% и 1,8% соответственно), количество словоформ творительного падежа множественного числа превышает 10% (у Н. Гумилева даже достигает 23%). Минимум словоформ творительного падежа множественного числа (меньше, чем у Б. Пастернака, всего 4%) встретился у В. Маяковского и С. Парнок. В свою очередь, выразительны процентные соотношения по бессуффиксным существительным. Здесь, безусловно, лидирует отличавшаяся и по другим особенностям использования дактилической клаузулы С. Парнок, у которой 28% существительных являются бессуффиксными (при отсутствии двусложного падежного окончания), на втором месте оказывается Б. Пастернак (25%), третье и четвертое место делят И. Северянин и Н. Гумилев (21%). Один из первых экспериментаторов, А. Добролюбов, показывает, так же, как и А. Блок с Н. Асеевым, высокий процентный показатель – 19%. Отдельного внимания при

⁴¹ Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997.

анализе морфемного состава существительных на конце строки с дактилической клаузулой заслуживает А. Ахматова. В ее текстах существительных гораздо меньше, чем у остальных авторов (36, что дает невысокий показатель, учитывая, что у В. Маяковского – 1495, у В. Брюсова – 886 и у М. Цветаевой – 602). При этом из 9 главных типов морфемного оформления имен существительных данной акцентной структуры в конце строки, к которым в той или иной степени обращаются остальные авторы, Ахматова использует только 4 (причем главным образом это словоформы с суффиксом, включающим экспонент -иц-, а также формы творительного падежа женского рода единственного числа с окончаниями -ою/-ею). Вероятно, этот параметр (употребление словоформ той или иной акцентной структуры) не столько демонстрирует черты сходства или различия поэтических направлений, сколько выявляет уникальность каждого автора, свидетельствует о временной общности их языковых и поэтических поисков. Однако и здесь, как видно из данных, приведенных выше, разумеется, есть несомненные лидеры (в количественных показателях экспериментаторских поисков) – В. Маяковский, В. Брюсов и М. Цветаева, а также лидеры «нестандартного распределения» (обнаруживающие уникальные пики частотности употреблений), к которым безоговорочно относятся А. Ахматова, Б. Пастернак и С. Парнок.

Индивидуальность авторских стратегий выбора словоформы с тем или иным формантом на примере имен прилагательных и причастий проявляется еще отчетливее, чем на примере имен существительных. Так, прилагательные и причастия с двусложным окончанием оказываются, бесспорно, доминирующими у Ю. Верховского, фактически поэта-эпигона. Их в равной степени много у первых экспериментаторов – А. Добролюбова, В. Брюсова, А. Блока и И. Анненского. Несколько меньше их обнаруживается у А. Белого, В. Ходасевича, Н. Гумилева и А. Ахматовой. Наблюдается отчетливо меньшее их употребление у И. Северянина, В. Маяковского и Н. Асеева. Б. Пастернак сокращает количество таких примеров в 4-5 раз. Существенно при этом, что при выборе словоформы с ударением на третий слог от конца именно прилагательные и причастия с двусложным падежным окончанием не только предпочитались первыми русскими модернистами, но и лидировали в XIX веке. На этом фоне нестандартность Б. Пастернака проступает особенно ясно, при этом наиболее употребительных еще в XIX веке словоформ именительного,

винительного падежей женского рода единственного числа, а также именительного множественного числа у него менее 4%, а наиболее употребительными среди слов с двусложными окончаниями оказываются словоформы родительного падежа мужского и среднего родов единственного числа (10.5%).

Глаголы по причинам грамматического свойства (определенного «глагольного однообразия») используются главным образом в виде словоформ с постфиксом -ся или словоформ прошедшего времени. При этом можно отметить, что у А. Добролюбова, А. Блока, Ю. Верховского, В. Ходасевича постфиксальных словоформ более 60% (у А. Блока – 74%), и, наоборот, меньше всего таких примеров в поэзии С. Парнок, И. Северянина, А. Ахматовой и А. Белого, у которых, в свою очередь, фиксируется больший, по сравнению с остальными авторами, процент употребления словоформ прошедшего времени. Другим вариантом заполнения конца строки глаголом является употребление словоформ с «левоударными» суффиксами -ыва-/-ива- и -ова-/-у-, при этом заметного количественного расхождения в использовании таких словоформ разными авторами не наблюдается. Можно лишь отметить, что А. Блок, Ю. Верховский и В. Ходасевич практически их не используют.

Единственное, что требует отдельного внимания, – это бросающееся в глаза резкое увеличение (от 10% у Б. Пастернака до 18% у Н. Асеева и 21% у С. Парнок) числа словоформ с ударением на приставке. Кроме текстов названных авторов, подобное демонстрируют стихотворения А. Белого, М. Цветаевой и В. Маяковского, в то время как у А. Добролюбова, Н. Гумилева, А. Ахматовой и О. Мандельштама такие словоформы вообще отсутствуют, а у В. Брюсова, А. Блока, В. Ходасевича, И. Анненского и И. Северянина их число не превышает 5% (в XIX веке такие формы тоже были редкостью). Именно эта группа глаголов наиболее заметно выделяемая на слух (примеры: *высмотреть*, *выгореть*), что особенно важно для устного бытования поэзии футуристов и является одним из ярких маркеров текстов этой группы поэтов.

Заключение

Полученные данные позволяют охарактеризовать важную черту рассматриваемой эпохи – индивидуальный характер использования дактилической клаузулы в лирике разных авторов (от А. Добролюбова и В. Брюсова до С. Парнок и М. Цветаевой). Обследование такого формального параметра, как дактилическая

клаузула, позволило выделить принципиальное сходство таких авторов, как О. Мандельштам и А. Ахматова, с одной стороны, и Б. Пастернак и В. Маяковский – с другой. Это ожидаемые результаты, для получения и подтверждения которых, однако, никогда не предлагался этот подход.

Так, несомненно важным для составления целостной картины русской поэзии XX века оказывается тот факт, что лирика Н. Гумилева по рассмотренным признакам существенно ближе к лирике А. Блока и В. Брюсова, чем к лирике А. Ахматовой и О. Мандельштама. На наш взгляд, не менее интересно и то, что индивидуальные черты техники рифмы и статистики использования ее частеречной принадлежности у Софьи Парнок бесспорно сближают ее с такими представителями футуристического лагеря, как Н. Асеев, В. Маяковский, Б. Пастернак, резко отличая от остальных. И, наконец, известные по работам М. Л. Гаспарова наблюдения над спецификой экспериментаторства А. Белого и М. Цветаевой также находят безусловное подтверждение в полученных результатах статистических подсчетов⁴².

Изученный материал позволяет увидеть индивидуальные языковые предпочтения каждого поэта и обнаружить главную тенденцию, которая заключается в том, что почти все поэты исследуемой эпохи (от А. Добролюбова до М. Цветаевой, Б. Пастернака и Н. Асеева) активно обращались к дактилической клаузуле. При этом выделяются, во-первых, характерные общие тенденции использования рассматриваемого средства выразительности в лирике таких поэтических групп, как Ахматова – Городецкий – Мандельштам, Белый – Блок, Пастернак – Асеев, – то есть подтверждается традиционное деление лириков изучаемой эпохи на старших и младших символистов, акмеистов и футуристов. Во-вторых, невозможно не заметить, что как наибольшее количество самих дактилических клаузул, так и разнообразие их типов отмечается у поэтов из разных групп: для одних пристрастие к экспериментам с поэтическим языком было частью программной установки (В. Брюсов, А. Белый и В. Маяковский), для других, в первую очередь, М. Цветаевой, языковое экспериментаторство было частью индивидуальной творческой манеры.

⁴² Гаспаров М.Л. Белый-стихoved и Белый-стихотворец // Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997. С. 423; Он же. Марина Цветаева: От поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики. СПб., 2001.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

Поливанова Д. К. Морфологические характеристики глагола в конце стихотворных строк // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. №2, 2014. С. 50–58. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru/>.

Поливанова, Д. К. Части речи и их грамматические характеристики в дактилических клаузулах / Д. К. Поливанова // Известия РАН, Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 5. С. 29–35.

Поливанова Д. К. Словообразовательные особенности словоформ на концах стихотворных строк с гипердактилическим окончанием в русской поэзии серебряного века // Русская речь. 2015. № 2. С.30–34.

Публикации в других научных изданиях:

Поливанова Д. К. Дактилическая клаузула в лирике начала XX века // В кн.: Русская филология. 22: Сборник научных работ молодых филологов / Отв. ред.: Т. Гузаиров, О. Ягинцева. Тарту : Tartu University Press, 2011. С. 116-122.

Поливанова Д. К. Части речи в позиции рифмы // В кн.: Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia.ru, 2013.

Polivanova D. Grammatical properties of the dactylic ending in the poetry of Nikolay Nekrasov and Boris Pasternak / Working papers by Basic Research Programme. Series HUM "Humanities". 2013. No. 33/HUM/2013.